

Михаил ЛОМОНОСОВ

1

Великие умы России

Ольга Минаева
Михаил Ломоносов

«ИД Комсомольская правда»

2016

ББК 70

Минаева О. Д.

Михаил Ломоносов / О. Д. Минаева — «ИД
Комсомольская правда», 2016 — (Великие умы России)

ISBN 978-5-4470-0182-2

В истории России было два человека, которые не только в прошлом определили судьбу народа, но и влияют на нее и сегодня. И если Пушкин – его душа, то Ломоносов – его разум. Они объединились, чтобы создать нашу неповторимость, уникальность и исключительность. М.В. Ломоносов распахнул перед нами Вселенную Познания. Мы поняли, что образование и наука могут быть целью и смыслом Жизни. Именно наука за прошедшие три века разительно изменила человеческую цивилизацию. Она и сегодня определяет пути в будущее, а потому так ценен и необходим пример Михайло Ломоносова, чья биография, подобно детективному роману, изобилует удивительными поворотами и событиями. Этому и посвящена данная книга.

ББК 70

ISBN 978-5-4470-0182-2

© Минаева О. Д., 2016

© ИД Комсомольская правда, 2016

Содержание

Слово ректора	6
Вместо предисловия	7
Семья	10
Выбор судьбы	13
Годы учебы в Москве и Санкт-Петербурге	17
Учеба в Германии	22
Научная карьера	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ольга Минаева
Михаил Васильевич Ломоносов.
«Первоначальник» русской науки
8 (19) ноября 1711 – 4 (15) апреля 1765

© ИД «Комсомольская правда», 2016 год

* * *

Слово ректора

Летом 2016 года факультет журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова совместно с газетой «Комсомольская правда» приступил к реализации амбициозного проекта «Великие умы России» – изданию серии книг о великих российских ученых и первооткрывателях. Авторами этих книг стали студенты и преподаватели факультета журналистики МГУ.

Итак, «Великие умы России». Что же таится за этими словами? Прежде всего творческая смелость. Именно это качество выделяет студентов Московского университета на протяжении всего существования нашей alma mater. В самых разных областях науки, искусства, общественной жизни студенты и преподаватели университета неизменно были в первых рядах. Силой своего таланта, знаний и умения мыслить нестандартно они неизменно побеждали, даже в тех случаях, когда это казалось невозможным. Среди «Великих умов России», которые будут представлены в этой серии, немало ученых и мыслителей, которые подтверждают мои слова.

Стремление сделать нечто принципиально новое всегда связано с ответственностью. В данном случае она очень велика, так как молодое поколение должно рассказать о величии своих соотечественников интересно и увлекательно, так, чтобы ныне живущие почувствовали неразрывную связь с теми, кто жил сто, двести и триста лет назад. Не может не радовать, что среди нынешних студентов и преподавателей МГУ нашлось немало энтузиастов, которые решились на такой ответственный шаг.

Надеюсь, что инициативу факультета журналистики Московского университета и «Комсомольской правды», которые стали инициаторами этого уникального проекта, поддержат другие вузы страны, пожелавшие принять участие в создании своего рода художественной энциклопедии, рассказывающей о науке и ученых России.

Я уверен в успехе этого проекта. Он чрезвычайно важен для нынешних молодых людей, так как позволяет лучше понять историю своей Родины, больше узнать о выдающихся российских ученых, которые во многом опередили развитие современной цивилизации и которыми мы по праву гордимся.

Академик Виктор Садовничий

Вместо предисловия

Биография М. В. Ломоносова привлекала к себе большое внимание и в XVIII, и в XIX, и в XX вв. При этом оценки его деятельности всегда были очень политизированы. Как Пушкин в поэзии, так и Ломоносов в науке (особенно в советские годы) – символ гениальности и самобытности русского народа, поэтому его биография была очищена от каких-либо сведений, искажающих идеальный «плакатный» образ.

Собственно, источников сведений о научной карьере Ломоносова несколько. Помимо документов Академии наук и написанных на их основе биографий, важнейшим источником являются публикации в газете «Санкт-Петербургские ведомости», а после создания Московского университета – в газете «Московские ведомости». Эти две газеты (других тогда в России не было) писали о Ломоносове при его жизни около трех десятков раз. Если исключить объявления о продаже его книг и повторы, то насчитывается 7 содержательных публикаций в газетах и одна в журнале «Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах». Все они будут рассмотрены в данной работе как источник сведений о жизни Ломоносова.

Необычная биография Ломоносова, его энциклопедизм и широта научных интересов, самобытность и горячность в отстаивании своих взглядов – таков кратко обзор тем публикаций о первом русском академике в периодической печати после его смерти. Причем интерес к Ломоносову рос от века к веку, от десятилетия к десятилетию. В конце XVIII века, после смерти Ломоносова (в 1765–1799 гг.) вышло около 30 публикаций о подготовке к изданию и выходе в свет Собрания сочинений Ломоносова, о памятнике на его могиле.

В первой половине XIX века насчитывается уже более 110 публикаций. Журналистов интересовала в первую очередь биография Ломоносова, воспоминания современников о нем – так называемые анекдоты. В этих публикациях много почти дословных повторов в описании некоторых эпизодов жизни Ломоносова, особенно детства и годов учебы.

Во второй половине XIX века интерес к Ломоносову значительно углубился: насчитывается около 400 публикаций о нем в печати. В них Ломоносов – поэт, заложивший основы современного русского языка, художник, историк, поборник отечественного просвещения и развития самостоятельной русской науки. В начале XX века научная общественность осознала достижения Ломоносова в химии, физике, металлургии, геологии и других науках. В публикациях подчеркивалось, насколько он обогнал современную ему науку. Празднование памятных дат, связанных с Ломоносовым (в 1865 и 1911 гг.), вызывало особый интерес к нему и увеличение количества публикаций. Однако и в «неюбилейные» годы виден устойчивый рост количества публикаций о Ломоносове. Во многом это объясняется сложностью и многозначностью его личности, масштабностью идей и значением научных разработок.

Поиск публикаций о Ломоносове позволяет познакомиться со многими известными и не очень периодическими изданиями. При его жизни, как уже говорилось выше, все заметки были опубликованы в «Санкт-Петербургских» и «Московских ведомостях». Журнал «Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах» выходил при Петербургской академии наук, редактором его был Г. Ф. Миллер. В XIX веке и начале XX века о Ломоносове писали чаще всего журналы «Вестник Европы», «Москвитянин», «Отечественные записки», «Московский телеграф», «Библиотека для чтения», «Маяк», «Дамский журнал», «Русская беседа», «Русское слово», «Русская старина». Из газет назову «Литературную газету», «Санкт-Петербургские» и «Московские ведомости», «Русские ведомости», «Новое время», «День», «Архангельские губернские ведомости», «Русский инвалид».

Научные издания также постоянно обращались к оценке трудов и личности Ломоносова. Это, например, «Труды Российской академии», «Известия Академии наук», «Записки Академии наук», «Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук».

В наши дни сложно рассказать что-либо новое о Ломоносове. Поэтому в данной работе биография Ломоносова воссоздается на основании того, что о нем писала русская пресса начиная с прижизненных публикаций и кончая 200-летием в 1911 году.

Изучение темы показало, что источников сведений о Ломоносове очень немного, в первую очередь – это он сам, его рассказы о жизни, которые записал Якоб Штелин (1709–1785) – профессор красноречия и поэзии Санкт-Петербургской Академии наук. Кстати, «романтические» и недостоверные версии событий, неоднократно воспроизводимые потом в статьях и романах о Ломоносове, изложены именно в этой первой биографии. Она и называлась «Черты и анекдоты для биографии Ломоносова, взятые с его собственных слов Штелиным». Оговорюсь, что слово «анекдот» в XVIII веке означало рассказ – любой, не обязательно смешной, в том числе это рассказы о личной жизни, отношениях с людьми или бытовые подробности. Большая часть сведений, приведенных в биографии Штелина, были достоверными, но кое-какие эпизоды не соответствуют тем данным, которые известны сейчас. Например, уход Ломоносова из дома с рыбным обозом в Москву. Академик П. С. Билярский, оценивая «Анекдоты», писал: «Не надобно забывать, что Штелин в своих записках имел в виду только анекдотическую сторону жизни Ломоносова, которая без того могла бы погибнуть для потомства; академическая же деятельность Ломоносова застрахована от забвения академическими архивами».

«Анекдоты» Штелина о Ломоносове в середине XIX века были опубликованы М. П. Погодиным в журнале «Москвитянин». Публикация 1849 г. предварялась таким примечанием: «Эти анекдоты по приказанию Княгини Дашковой, Президента Академии наук, были переведены на русский язык и, с исключением некоторых менее важных мест, напечатаны под заглавием: жизнь Ломоносова при первом томе его сочинений, изданных в 1784 году».

Биография Ломоносова была настолько необычна, что стала сюжетом для многочисленных романов. Попробуем разобраться в том, что в ней правда, а что вымысел.

8 (19 ноября) 1711 года – официальная дата рождения Михаила Васильевича Ломоносова. Дата вычислена приблизительно, т. к. приходская книга Дмитриевской церкви, в которой его крестили, не сохранилась. Родился он в деревне Денисовка Архангелогородской губернии. Иногда в качестве места рождения указывается деревня Мишанинская.

Куростров – один из островов на Северной Двине – расположен прямо напротив Холмогор. На острове в XVIII веке было несколько небольших деревень. Деревня Денисовка, где родился Ломоносов, слилась потом с деревней Мишанинской, отсюда и путаница.

Жители Курострова – это черносошные крестьяне, жившие на «черных» государственных землях, не знавшие крепостной зависимости. Основное занятие – рыбная ловля, морские и иные промыслы. Жили более зажиточно, чем крестьяне помещичьи, особенно живущие в средней полосе России. Добротные высокие, просторные дома и хозяйственные постройки поражают сейчас посетителей музея деревянного зодчества Малые Карелы под Архангельском. На Курострове выращивали рожь и ячмень, лен и коноплю, а вот пшеница в тех местах росла плохо и крестьяне ее покупали. Сенокосных мест было много, поэтому все разводили скот и для себя, и на продажу. Зимы в Архангелогородской губернии длинные и холодные, поэтому поморы занимались ремеслами. Выделывали кожи, жгли уголь, производили золу и известь на продажу, делали бочки для солений и другие деревянные предметы обихода. Кузнечное дело было также хорошо развито. Женщины ткали на продажу льняное полотно, плели кружева. Популярна была охота на медведей, волков, лисиц, зайцев, горностаев. Силками ловили куропаток, рябчиков, уток. Поморы ловили рыбу и в озерах, и в Двине, и в Белом море. Один из самых важных промыслов в этом крае – строительство мореходных и речных судов. Отважные мореходы, поморы за рыбой и с грузами ходили в Белое и Баренцево моря, добирались даже до Груманта (ныне остров Шпицберген).

Для этого, кроме мужества и смелости, нужны были немалые знания морского дела, компаса (они называли его «маточка»), умение ориентироваться по звездам и по карте. Часто в биографиях Ломоносова отмечалось, что он – из поморов. Условия жизни требовали от поморов не покорности, а предприимчивости и смелости.

Семья

Отец М. В. Ломоносова, Василий Дорофеевич, был государственным крестьянином, рыбаком, человеком зажиточным. Главным образом на его деньги на Курострове была построена каменная церковь. Он владел значительным участком земли, большим домом, несколькими рыбацкими карбасами – большими лодками с высокими бортами. Карбасы были гребными или парусными, ходили на них по рекам и морям. Самое больше судно его называлось «Чайка», оснастка была корабельная, сделанная «по-европейски». На нем можно было перевозить до 5 тысяч пудов груза, что по современным меркам составляет примерно 80 тонн. Ходил Василий Дорофеевич за треской и морским зверем «на Мурманский берег», с грузом в Пустозерск, Соловецкий монастырь, к берегам Лапландии. Он, по воспоминаниям, был неграмотным.

Мать Ломоносова, Елена Ивановна Сивкова, дочь сельского дьякона, по некоторым сведениям, была грамотная. Она умерла, когда Ломоносов был еще ребенком.

С 11 лет Ломоносов плавал с отцом «на рыбные промыслы» по Белому и Баренцеву морям, «до Колы, иногда даже до 70 градуса широты». Северная природа, мрачная и величественная, сильно повлияла на душу мальчика и спустя много лет отразилась в его стихах. Этот момент – влияние на Ломоносова северной природы – отмечают все, кто пишет о детстве ученого.

В 10 лет начал обучаться грамоте у соседа Ивана Шубина и у дьякона местной церкви С. Сабельникова. Арифметику осваивал сам. Сына Ивана Шубина Федота Ломоносов много лет спустя устроил истопником в императорский дворец, чтобы через год зачислить его в Академию художеств как дворцового служку. Детей крестьян в Академию художеств не принимали. Ф. Шубин стал знаменитым скульптором и автором наиболее удачного портрета Ломоносова.

Читал Ломоносов так хорошо, что «через 2 года учинился ко удивлению всех лучшим чтецом в приходской своей церкви» и читаемое произносил «к месту расстановочно, внятно, при том и с особою приятностию и ломкостью голоса». Ломоносов «охоч был читать в церкви псалмы и каноны и по здешнему обычаю жития святых... и в том был проворен, а при том имел у себя глубокую память, когда какое житие или слово прочитает, после пения рассказывал сидящим в трапезе старичкам сокращенное на словах обстоятельно», – так в публикации XIX века описан важный эпизод из детской жизни ученого. В комментариях к биографии Ломоносова упоминается и такой факт, что «на 13-м году» увлечен он был речами «раскольников так называемого толка беспоповщины», но через два года понял, что заблуждается, а скорей всего, разочаровался в тех целях, которые предлагали раскольники: «спасаться от мира».

Архангельск, место рождения Ломоносова в селе Денисовка. Ксилография 1879 г.

Церковные и духовные книги – единственные, что были доступны для Ломоносова. «В доме Христофора Дудина увидел он в первый в жизни своей раз недуховные книги. То были старинная славянская грамматика и арифметика, напечатанная в Петербурге, в царствование Петра Великого для навигацких учеников. Неотступные и усиленные просьбы, чтоб старик Дудин ссудил его ими на несколько дней, оставались всегда тщетными. Отрок, пылающий ревностью к учению, долгое время умышленно угождая трем стариковским сыновьям, довел их до того, что выдали они ему сии книги. От сего самого времени не расставался он с ними никогда, носил везде с собою и, непрестанно читая, вытвердил наизусть. Сам он потом называл их вратами своей учености». Это произошло около 1725 г. – Ломоносов выпросил «Славянскую грамматику», «Арифметику» и «Псалтырь». М. П. Погодин называет авторов этих учебников: «Грамматика» М. Смотрицкого и «Арифметика» Л. Магницкого. Но самое «сильное действие произвела на него (Ломоносова) Псалтырь Симеона Полоцкого, переложенная в стихи. Воображение его было так поражено симфонией рифм и единомерностью слогов, что искусство стихотворное представилось ему сверхъестественным даром. Он спрашивал, кто этот Симеон Полоцкий, и где можно научиться его очаровательному искусству. Симеона Полоцкого нет уже на свете, получил он себе в ответ, искусству его научиться нигде нельзя, кроме Москвы и Киева, а источник всех знаний заключается в Латинском языке». По другим источникам, родственники, возможно, его дядя, работник Антониево-Сийского монастыря, объяснили ему, что для изучения наук нужно было овладеть латинским языком, на котором писались в то время научные труды. В биографии, записанной Я. Штелиным, упоминается, что священник, который учил Ломоносова читать церковные книги, не знал латыни, «но возбудил его любознательность рассказами про Заиконоспасский монастырь в Москве».

Такая биография позволила газете «День» в 1865 г. сделать вывод о том, что Ломоносов «является чистым, без посторонней примеси, представителем духовной стихии Русского народа. До 16-летнего возраста его воспитателем была Русская северная природа, русский крестьянский быт и церковно-славянские духовные книги, а затем Славяно-греко-латинская академия».

У Ломоносова была сестра Марья, значительно младше его. Она оставила любопытные воспоминания о бытовых привычках Ломоносова, приводимые ниже. В 1804 г. в «Вестнике Европы» была публикация о том, что губернатор Архангельской губернии Н. И. Ахвердов ходатайствовал о привилегиях семье сестры Ломоносова. Император Павел I «в уваже-

ние памяти и полезных познаний знаменитого Санктпетербургской Академии Наук Профессора, Статского Советника Ломоносова» повелел «сестры его Головиной сына, Архангельской губернии крестьянина Петра с детьми и с потомством их, исключая из подушного оклада, освободить от рекрутского набора». Это были существенные привилегии для крестьян, самого бесправного сословия России. Подушный оклад – это налог, который, независимо от возраста, должны были в царской России платить вольные люди, причем только мужчины. Освобождение от рекрутского набора для крестьянских сыновей было также важной льготой.

В 1724 году Василий Дорофеевич женился в третий раз. Вторая мачеха не была «расположена» к подростку. Как писал сам Ломоносов: «имеючи отца хотя по натуре доброго человека, однако в крайнем невежестве воспитанного, и злую, завистливую мачеху, которая всячески старалась произвести гнев в отце моем, представляя, что я всегда сижу по-пустому за книгами: для того многократно я принужден был читать и учиться, чему возможно было, в уединенных и пустых местах и терпеть стужу и голод».

Академик М. П. Погодин так рассказал о Ломоносове на праздновании столетия Московского университета в 1855 г.: «Кому могло впасть на ум, кто мог когда-нибудь вообразить, чтоб продолжать дело Петрово в области самой высокой, преобразовать родной язык и посадить европейскую науку на русской почве, предоставлено было судьбою простому крестьянину, который родился в курной избе, там, далеко, в стране снегов и метелей, у края обитаемой земли, на берегах Белого моря; который до семнадцатилетнего возраста занимался постоянно одною рыбною ловлею, увлекся на несколько времени в недра злейшего раскола и был почти сговорен уже с невестою из соседней деревни!..» Конечно, М. П. Погодин несколько преувеличил тяготы «курной избы». Курных изб на самом деле у поморов не было. Ломоносову была уготована зажиточная, хотя и нелегкая, но неголодная и независимая от барина жизнь рыбака, мореплавателя, ремесленника или торговца. Однако он сам выбрал свою судьбу, не следуя тому, что предназначено было ему от рождения. И еще хотелось бы отметить, что информации о возможном пути в науку при этом выборе у Ломоносова не было. Да и сама судьба Ломоносова в России того времени была уникальна. Он проложил этот путь для других, выбрав его сначала для себя и сильно рискуя.

Выбор судьбы

Понятно, что возможности получить хоть какое-то образование дома у Ломоносова не было. Читать его учил дьякон, а арифметику он осваивал сам, выучив учебник наизусть. В Холмогорах была открыта архиепископом Варнавою славяно-латинская школа, но в нее не принимали крестьян, положенных в подушный оклад, каким был Ломоносов. Поэтому решение идти в Москву за образованием было логичным. Реформы Петра I в образовании уже дали некоторые результаты: помимо школ при монастырях, постепенно возникает светская система образования, но находятся такие школы только в Санкт-Петербурге и Москве. В провинции светских школ тогда еще не было.

В декабре 1730 года 19-летний Ломоносов принял решение уйти из дома. В журнальных публикациях и романах о нем обычно писали, что «через его деревню проходил обоз с мороженою рыбой. Ломоносов вздумал к нему пристать, чтобы вернее и безопаснее совершить вместе дальний и неизвестный путь. Следующей ночью, когда все в доме спали, встал он, оделся в нагольный тулуп и с двумя книгами, единственными своими драгоценностями, пустился догонять будущих путеводителей. Бежа без отдыха, он догнал их уже на третий день, в осьмидесяти верстах от дому, и выпросил у приказчика позволение ему сопутствовать. Тысячу верст прошел он с обозом пешком, терпя голод и холод, – и вот, через три недели такого трудного странствия, засветились пред ним золотые главы белокаменной Москвы». Академик Штелин к этой версии добавляет еще такую деталь: «Между тем его домашние в деревне искали его по всей округности и, не найдя, считали без вести пропавшим, пока наконец, с последним зимним путем, возвратился из Москвы тот обоз, и приказчик сказал отцу Ломоносова, что его Михайло остался в Москве, в монастыре, и просит его об нем не сокрушаться».

На самом деле все было не так. Решение уйти было не спонтанным, но от этого не менее драматичным.

В волостной книге Курострова есть запись: «1730 года декабря 7 дня отпущен Михаил Васильевич Ломоносов к Москве и к морю до сентября месяца пребудущего 1731 года, а порукою по нем в платеже подушных денег Иван Банев расписался». Обращает на себя в этом документе поручительство соседа, который обязался заплатить налог (подушную подать) в случае невозвращения, и срок, на который Ломоносов отпущен: «до сентября».

Несколько дней Ломоносов пробыл в Антониево-Сийском монастыре, заменял псаломщика. В монастыре задержался, рассчитывая на помощь своего дяди, который там работал. Известно, что отец его, Василий Дорофеевич, приезжал беседовать с сыном несколько раз перед отъездом в Москву. И позже Ломоносов писал, что отбыл «с разрешения отца».

Ломоносов на пути из Архангельска в Москву. Фототипия 1912 г.

Затем Ломоносов «выпросил у соседа своего Фомы Шубного китайское полукафтаные (крестьянская верхняя одежда типа поддевки) и заимообразно три рубля денег». Полукафтаные он заложил. Из этих торгово-кредитных операций Ломоносова напрашивается вывод, что его отец денег на путешествие за знаниями не дал. Также взял с собой будущий профессор «Арифметику» и «Грамматику», единственное свое книжное богатство. И с рыбным обозом пешком, как пишут в разных источниках, ушел в Москву. Путь занял примерно три недели.

Стремление к образованию и науке было у Ломоносова столь сильным, что он вынужден был оставить семью, привычную среду и не оправдал надежд отца, который рассчиты-

вал, что сын преумножит семейное добро, станет крепким и богатым хозяином. Ломоносов писал: «Отец... говорил, что я, будучи один (т. е. единственный сын), его оставил, оставил все довольство (имущество), которое он для меня кровавым потом нажил и которое после его смерти чужие расхитят». М. П. Погодин и другие биографы Ломоносова упоминают о том, что отец хотел его женить, еще и поэтому он убежал. Однако сам ученый об этом не упоминает. Женитьба означала выбор поморского традиционного уклада. Возможно, отец рассчитывал, что сын одумается, ничего не добьется в Москве и вернется домой.

Во многих биографиях Ломоносова пересказан эпизод с вещим сном. Источник этого рассказа – сам ученый. Когда он возвращался в Россию из Германии на корабле, ему приснился сон. «Он ясно видел своего отца, выброшенного кораблекрушением и лежащего мертвым на необитаемом, неизвестном острове в Белом море, не имевшем имени, но памятном ему с юности, потому что он некогда был к нему прибит бурей с отцом своим. Лишь только он приехал в Петербург, как поспешил справиться об отце своем на бирже у всех бывших из Архангельска купцов и у холмогорских артельщиков и наконец узнал, что отец его отправился на рыбную ловлю еще прошлую осенью, и с тех пор не возвращался, а потому и полагают, что с ним случилось несчастье. Ломоносов так был поражен этим известием, как прежде своим пророческим сном... Он... послал письмо к тамошним родным своим... описал подробно положение острова и просил убедительно, чтоб тамошние рыбаки, отправившись на рыбную ловлю, пристали к нему, отыскивали на нем тело отца его и предали земле. Это было исполнено еще в то же лето: партия холмогорских рыбаков пристала к этому дикому острову, отыскала мертвое тело на описанном месте, похоронила его и взвалила большой камень на могилу», – такое описание приведено в воспоминаниях о Ломоносове. Этот эпизод вошел в многочисленные описания биографии Ломоносова. М. П. Погодин, например, точно пересказывая этот эпизод, пишет, что это был «сон знаменательный, служащий доказательством сил, еще неизведанных, души вообще, и его чуткой, вещей души в особенности... Ломоносов описывает по памяти остров, виденный им во сне, со всеми признаками и во всех подробностях, и рыбаки отыскивают его по описанию, находят там тело отца и предают земле». Отец Ломоносова так и не узнал о его научных достижениях и карьере.

Отечество по достоинству оценило труды и таланты М. В. Ломоносова. Крестьянский сын окончил свои дни ученым с мировым признанием, профессором в чине статского советника (чин 5-го класса с обращением «Ваше Высокоородие»), признанным поэтом, владельцем имения и большого дома в Петербурге. Непокоримая воля, стремление к знаниям, желание самому вершить свою судьбу позволили Ломоносову вырваться из круга привычных крестьянских забот, уготованного ему происхождением, и добиться поистине фантастических успехов на научном и множестве иных поприщ. Выбор, сделанный Ломоносовым на свой страх и риск в молодом возрасте, дал ему возможность прожить настолько яркую и нетривиальную жизнь, что и по сей день она будоражит воображение его соотечественников.

Много лет спустя крестьянский сын и ученый с мировым именем Ломоносов напишет такие стихи о науке:

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастный случай берегут;
В домашних трудностях утеша
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде:
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,

В покое сладки и в труде.

Годы учебы в Москве и Санкт-Петербурге

15 января 1731 г. 19-летний М. В. Ломоносов был зачислен в Славяно-греко-латинскую академию в Москве. Это учебное заведение, основанное в 1687 г., размещалось в центре Москвы в Заиконоспасском монастыре. С 1814-го оно называлось Московской духовной академией и семинарией. В ней учились поэт Антиох Кантемир, математик Леонид Магницкий. В 1919 г. академия была закрыта, возобновила работу в 1946 г.

В 1615 г., почти на 70 лет раньше Славяно-греко-латинской академии, была основана Киево-братская школа при Богоявленском монастыре, сейчас это Киевская духовная академия и семинария. Это старейшие и лучшие во времена Ломоносова учебные заведения, готовившие богословов.

Мало известно о том, как Ломоносов смог поступить в Славяно-греко-латинскую академию. В биографиях его обычно писали так: «в Москве, в сем городе, многолюдном и обширном, не имел он ни пристанища, ни знакомого. Начальник обоза познакомил его со старцем Заиконоспасского монастыря, который поместил его в училище».

Заиконоспасский монастырь в Москве времен Ломоносова. Фототипия 1912 г.

Я. Штелин в первой биографии Ломоносова рисует еще более драматическую картину: «В Москве, где у него не было ни души знакомых, спал он первую ночь на возу. Проснувшись на заре, стал он думать о своем положении и с горькими слезами пал на колена, усердно моля бога ниспослать ему помощь и защиту. В то же утро пришел господский дворецкий на рынок закупать рыбы. Он был родом с той же стороны...»

Но эта версия вызывает сомнение. Известно, что прибыл Ломоносов в Москву в начале января, остановился у односельчанина, приказчика Я. Пятухина, и начал хлопотать о поступлении в академию. Забегая вперед, скажу, что и у него Ломоносов занимал деньги, не ясно только, одновременно или по частям в ходе учебы в Москве. «Отдал Я. Пятухину занятые 7 рублей через 6 лет, когда получил 300 р. на путевые расходы для поездки в Марбург». Пятухин как раз приехал в июле 1736 г. в Петербург, за несколько недель до отъезда Ломоносова в Германию. Сам Ломоносов писал еще, что жил в Москве у подъячего Сысского приказа Ивана Дутикова. Поморы жили и в Москве, и в Санкт-Петербурге: служили, торговали, работали. Связи с односельчанами поддерживали всю жизнь. Наверняка, отправляясь в Москву, Ломоносов имел несколько адресов для постоя и какие-то планы на учебу.

При поступлении в Славяно-греко-латинскую академию Ломоносов назвался сыном дворянина из Холмогор и скрыл свое крестьянское происхождение. Указом Синода от 1723 г. велено было «помещиковых людей и крестьянских детей, также непонятных и злонравных, отрешить и впредь таковых не принимать», что было запретом для крестьянских детей поступать в богословские учебные заведения. Учиться в них могли или дворяне, или сыновья священников. Документов о дворянском происхождении у Ломоносова не потребовали.

Программа Академии была рассчитана на подготовку богословов. Изучались, кроме латыни, церковно-славянский язык, география, история, катехизис, арифметика. После окончания первых 4 (из 8) классов ученики должны были читать, писать и говорить свободно по латыни. Далее учились стихотворству, сочинению и красноречию. 2 последних класса изучали философию и богословие. Знания проверялись регулярно, а по субботам нерадивых учеников секли.

Учился Ломоносов прилежно и показал успехи, особенно в латыни и греческом языке. Через год уже писал латинские стихотворения. За первый год учебы прошел программу трех классов, всего проучился в Академии около четырех с половиной лет. Получил доступ к Семинарской библиотеке и перечитал в свободное от классов время все бывшие там книги, богословские, философские, исторические.

Только неутолимая жажда знаний позволила Ломоносову выдержать довольно суровые условия жизни в Славяно-греко-латинской академии. Влиял на него и фактор возраста: поступил учиться в 19 лет, затем в Петербург поехал в 23 года. Он позже писал: «Обучаясь в Спасских школах, имел я со всех сторон отвращающие от наук пресильные стремления, которые в тогдашние лета почти непреодолимую силу имели. С одной стороны, отец, никогда детей, кроме меня, не имея (имеется в виду, что Ломоносов – единственный сын, у него была еще сестра Марья) говорил, что я, будучи один, его оставил, оставил все довольство, которое он для меня кровавым потом нажил и которое после его смерти чужие расхитят. С другой стороны, несказанная бедность: имея один алтын (медная монета стоимостью 3 копейки) в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше, как на денежку (монета стоимостью полкопейки) хлеба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды. Таким образом жил я пять лет и наук не оставил. С одной стороны, пишут, что, зная моего отца достатки, хорошие тамошние люди дочерей своих за меня выдадут, которые и в мою там бытность предлагали; с другой стороны, школьники, малые ребята кричат и перстами указывают: смотри-де, болван лет в двадцать пришел латине учиться!» Много лет спустя он написал: «Тот беден на свете сем, кто беден не бывал».

Но главное, Ломоносов понял, что он не найдет в Славяно-греко-латинской академии естественных наук, к которым так стремился. Он не был удовлетворен богословскими предметами, поэтому вызвался ехать в экспедицию, снаряжаемую Сенатом, на реку Орь с целью основать новый город (сейчас это Оренбург). Для экспедиции требовался священник. Поскольку священника, желающего ехать из Москвы в глушь, не нашлось, решили выбрать кого-то из учеников старших классов академии и положить во священники. «Добровольцам»

был «учинен допрос», и обман с дворянским происхождением Ломоносова раскрылся. Академия выпускала священников и строго следила, чтобы в эту категорию попадали только те, кто имел на это право по происхождению. Во время первого допроса Ломоносов сказал, что его отец – поп холмогорской церкви, а сам он «жил при отце своем...». О нем сказано в записях допроса, что в академии он «дошел до риторики» (средние классы), «не женат, от роду себе имеет 23 года... А расколу, болезни и глухоты и повреждения никакова не имеет; и скорось писать».

За сообщение о себе ложных сведений Ломоносову грозило лишение чина (если бы он стал священником) и пострижение в монахи в далекий монастырь. Ломоносов рассказал о себе всю правду, прибавив, что соврал «с простоты своей». Вот как выглядит правдивая версия: «Рождением-де он, Михайло, Архангелогородской губернии, Двинского уезду, дворцовой Куростровской деревни, крестьянина Василья Дорофеева сын и тот-де его отец и поныне в той деревне обретается с прочими крестьяны и положен в подушной оклад. А в прошлом 1730-м году, декабря в 9-м числе, с позволения оного отца его, отбыл он, Ломоносов, в Москву, о чем дан был ему и паспорт (которой он утратил своим небрежением), и с Холмогорской воеводской канцелярии за рукою бывшего тогда воеводы Григорья Воробьева... А в экспедицию... пожелал он ехать самоохотно. А что он... сказался поповичем, и то учинил с простоты своей, не надеясь в том быть притчины и препятствия к произведению во священство; а никто его, Ломоносова, чтоб сказаться поповичем, не научал. А ныне он желает по-прежнему учиться в оной же Академии. И при сем допросе сказал он сущую правду без всякия лжи и утайки...»

Когда открылось крестьянское происхождение Ломоносова, вопрос о том, чтобы стать священником, был закрыт навсегда. Ему грозило отчисление, но его успехи в учебе были столь очевидны, что допрос остался без опасных последствий. Высказывались предположения, что его защитил знаменитый Феофан Прокопович, сподвижник Петра I, писатель и архиепископ новгородский. М. П. Погодин даже приводит якобы сказанные им слова: «... Знаменитый Феофан Прокопович, Архиепископ Новгородский, советник Петра Великого, берет его под свое покровительство. Отличные люди узнают скоро друг друга и любят подавать себе взаимную помощь. «Не бойся ничего, – сказал Феофан Ломоносову, – хотя б со звоном в большой соборный колокол объявляли тебя самозванцем, я твой защитник!» Якобы при содействии Ф. Прокоповича Ломоносов был отправлен учиться в Петербургскую академию наук.

Сначала Ломоносова командировали в Киев на год для завершения образования в Киевской духовной академии, старейшем и лучшем высшем учебном заведении в России того времени. В Киев он был отправлен в 1734 г. и вернулся в Москву, не проучившись и года.

Судьба пошла навстречу желаниям Ломоносова: в конце 1735 г. – ему было 24 года – в числе 12 лучших учеников Академии он был направлен для продолжения образования в Санкт-Петербургскую академию наук, куда его зачислили в январе 1736 г. студентом без жалованья «на академическом коште».

Здание Марбургского университета. Репродукция с гравюры XIX века

Ломоносов в Академии наук занимался математикой, физикой, химией, особенно любил заниматься минералогией и физическими экспериментами, начал учить немецкий язык. Потребность в химиках, знающих металлургию и горное дело, заставила Академию командировать трех студентов в Германию на учебу.

Учеба в Германии

8 сентября 1736 г. М. В. Ломоносов – ему было 25 лет – вместе с Д. И. Виноградовым и Г. У. Райзером отправился морем из Петербурга в Германию на учебу. Корабль из-за бури вернулся в Петербург и отплыл снова 19 сентября. Плыли четыре недели и едва не потонули в бурю. Молодым людям дали строгие инструкции: чему учиться, как себя вести, экономить деньги, присылать в Академию отчеты об успехах в науках и израсходованных суммах. На путевые расходы они получили по 300 р. Студенты направлялись в Марбург к профессору Христиану Вольфу для занятий в Марбургском университете математикой, механикой, физикой, философией, химией. Помимо этих предметов, Ломоносов овладел немецким, французским, итальянским и английским языками. В Марбурге студенты провели почти 3 года. Затем еще год они изучали металлургию и горное дело у профессора И. Генкеля в Фрейберге. «Ни один период жизни Ломоносова не известен так хорошо и подробно, как учеба за границей», – пишет Б. И. Меншуткин в своей монографии «Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова». И немецкие профессора, и русские студенты постоянно присылали в Академию наук письма и отчеты. В них значительное место уделено бытовой стороне жизни, конфликтам, денежным расчетам и т. п.

Профессор Христиан Вольф, европейская знаменитость, преподавал студентам философию, физику, математику, химию. Общеизвестно, что его лекции оказали огромное влияние на будущие научные труды Ломоносова. Ломоносов перевел одну из работ Вольфа по физике, курировал перевод другой.

Известно, что Ломоносов учился прилежно, быстро освоил немецкий язык. Но... немецкие профессора жаловались в Петербург на буйные кутежи и мотовство русских студентов. Свобода университетского городка Марбурга, конечно, резко отличалась от атмосферы богословской Славяно-греко-латинской академии. Академия наук отпускала по 400 золотых рублей в год на каждого студента, это были огромные деньги. В Академию наук постоянно шли жалобы на поведение русских студентов. Кутежи, попойки, драки, долги – Ломоносов не отставал от товарищей в этом.

Когда настало время ехать к металлургу И. Генкелю в Фрейберг в середине 1739 г., кредиторы потребовали расплаты. Сумма долгов оказалась около 2000 талеров – примерно 12 000 золотых рублей. Профессору Вольфу пришлось расплатиться, в том числе и своими деньгами. Потом ему эти суммы вернула русская Академия наук. Вот что он написал в отчете об отъезде студентов: «...они время свое провели здесь не совсем напрасно. Если, правда, Виноградов (будущий создатель русского фарфора), со своей стороны, кроме немецкого языка, вряд ли научился многому, и из-за него мне более всего приходилось хлопотать... то я не могу не сказать, что в особенности Ломоносов сделал успехи и в науках: с ним я чаще имел случай говорить, нежели с Райзером, и его манера рассуждать мне более известна. Причина их долгов обнаруживается лишь теперь, после их отъезда. Они через меру предавались разгульной жизни и были пристрастны к женскому полу. Пока они сами были еще здесь налицо, всякий боялся сказать про них что-нибудь, потому что они угрозами своими держали всех в страхе... Когда они увидели, сколько за них уплачивалось денег... тогда только они стали раскаиваться и не только извиняться передо мною, что они наделали мне столько хлопот... При этом особенно Ломоносов, от горя и слез, не мог промолвить ни слова».

В Фрейберге содержание студентов урезали до 200 р. на каждого в год, причем деньги горный советник И. Генкель хранил у себя, на руки выдавал по 1 талеру в месяц. По городу он объявил, что долги студентов Академия наук платить не будет. Профессор красноречия Г. Юнкер так описал свои впечатления: «Студенты по одежде своей, правда, выглядели неряхами, но по части указанных им наук... положили прекрасное основание, которое послу-

жило нам ясным доказательством их прилежания в Марбурге. Точно так же я при первых лекциях в лаборатории, при которых присутствовал... не мог не заметить их похвальной любознательности и желания познать основания вещей». Однако хорошие вначале отношения между Ломоносовым и И. Генкелем вскоре испортились, начались конфликты, и в мае 1740 г. Ломоносов покинул Фрейберг.

Из Фрейберга М. В. Ломоносов в конце 1739 г. прислал в Санкт-Петербургскую академию наук с очередным отчетом «диссертацию» (статью) по физике, оду «На взятие Хотина» и «Письмо о правилах Российского стихотворства». Вот отрывок из оды на взятие Хотина, неизменно вызывавший восхищение читателей:

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верх горы высокой,
Где ветер в лесах шуметь забыл,
В долине тишины глубокой.
Внимая нечто, ключ молчит.
Который завсегда журчит
И с шумом вниз с холмов стремиться.
Лавровы выются там венцы,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится.

М. П. Погодин так описывает впечатление, которое произвела эта ода Ломоносова: «В Петербурге все, ученые и неученые, удивились новому языку, читали и перечитывали оду и не верили ушам своим, тот ли употреблен был поэтом язык, которым все они говорили и писали. При дворе Императрицы Анны ода произвела неописанное действие. И не могло быть иначе – Ломоносовский язык, в сравнении с языком его современников, например, Кантемира, Тредиаковского, представляет чудное явление, какого не имеет ни одна европейская словесность, древняя и новая».

В 1740 г. Ломоносов – ему было 29 лет – тайно женился в Марбурге на дочери своего хозяина-трактирщика Елизавете Цильх, у него родилась дочь. Принял ли он лютеранство для венчания? В лютеранской церкви г. Марбурга есть запись о заключении этого брака. «Содержал жену и дочь своим жалованьем, которое получал по третям из Петербургской академии», – записал Я. Штелин об этом периоде.

«Между тем, живя в Германии, получая беспорядочно жалованье, женившись по любви на дочери своего хозяина в Марбурге, не имея средств содержать семейство, может быть, не умея соразмерять свои расходы с приходами, Ломоносов, уже основатель русской словесности, впал в неоплатные долги, обнищал и дошел до отчаянного положения», – так, еще более конкретно, описывает последний год учебы М. П. Погодин.

У Ломоносова родилась дочь, он наделал долгов, ему грозили тюрьмой. Он оставил жену и дочь и решил возвратиться в Россию. Якобы ночью, никому не сказав, он ушел пешком в Амстердам, чтобы оттуда вернуться в Россию. По дороге Ломоносов попался прусским вербовщикам и оказался в полку рейтаром. Бежал из замка, где располагался полк, в болоте скрывался от погони и пешком пришел обратно в Марбург. Туда ему были присланы деньги из Академии наук и весной 1741 г. Ломоносов снова отправился в Голландию, а оттуда – в Россию. Более двух лет его жена не получала от него известий, разыскивала его с помощью русского консула. «...Он долгое время не писал ей (жене), вероятно потому, что его обстоятельства в Петербурге (куда он прибыл благополучно в июне 1741 г. и... получил звание адъюнкта при Академии) были такого рода, что он не мог еще решиться объявить в Петербурге о своем супружестве, которое никому не было там известно, выписать к себе жену и

ребенка и содержать их своим скудным жалованьем адъюнкта в таком дорогом месте, как Петербург», – писал Я. Штелин.

В июне 1741 г. Ломоносов вернулся из Германии в Петербург. Сохранилось решение Канцелярии Академии наук от 1746 г. о выплате Ломоносову недоданного жалованья за годы учебы в Германии. Причем сумму задолженности – около 400 руб. – выплатили ему... книгами из академической книжной лавки. Эта выплата объяснялась тем, что «Ломоносова пред прочими товарищами его ревностные труды и особливую его перед ними к пользе государственной действительно полученную науку» отметили.

«Пять лет прожил он в Германии, и благодаря гениальным своим способностям, трудолюбию и деятельности, узнал все, что узнать было можно, овладел современною наукой и почувствовал, что может сам идти еще далее по узанному пути, может повести за собою своих соотечественников, может учредить науку в России, в любезном своем отечестве», – написал об учебе Ломоносова в Европе М. П. Погодин.

Научная карьера

Научная карьера Ломоносова была темой большинства публикаций о нем наряду с его детством и юностью. «Первоначальником» отечественной науки назвал его академик М. П. Погодин в 1855 г.

В июне 1741 г. Ломоносов, которому было уже 30 лет, возвратился из Германии в Санкт-Петербург и подал в Академию наук прошение о присвоении ему ученого звания. Он представил на суд профессоров свои написанные в Марбурге диссертации: «О превращении твердого тела в жидкое» (1738 г.), «Физическую диссертацию о различии смешанных тел, состоящем в сплетении корпускул» (1739 г.), а также созданный уже в России труд «Элементы математической химии».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.